

E. L. Nitoburg. Russians in the USA: Integration or assimilation?

The fate of Russian immigrants to the USA is the focus of this paper. Its author argues that the relatively small Russian diaspora in the USA was formed by three great immigration waves (prior to 1914, during 1918–1923 and in 1948–1950). The process of assimilation of immigrants, i.e. the process of their turning into Americans, normally takes a few generations. It is a complex multi-stage social-cultural process. The author describes these stages as adaptation of a given group to a dominant encompassing society, followed by the group's social and cultural integration and structural incorporation with subsequent inclusion of immigrants into the culture of the dominant society and, finally, their structural and cultural assimilation. Completeness of the process of ethnic assimilation involves and depends not only on the loss of previous ethnic identity by the immigrants but also on the appropriateness of the conditions of acceptance of their progeny into host society.

The author defines adaptation as the initial stage of integration which is a process of a group's social-cultural accommodation and introduction into host society. Particular forms and duration of this process are dependent on the group's mood to either follow the line of intercultural and interethnic integration and assimilation or prefer ethnocultural isolation.

© 2001 г., ЭО, № 6

И.С. Савин

РЕАЛИЗАЦИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ КУЛЬТУРНО-ЯЗЫКОВОЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В КАЗАХСТАНЕ В 1990-е ГОДЫ

Декабрьские события 1986 г. в Алма-Ате, когда после назначения первым секретарем ЦК Компартии Казахстана кандидатуры из Москвы казахская молодежь вышла на улицы с лозунгом «Нам нужен казах!», стали водоразделом в развитии общественно-политической ситуации в республике.

Реакцией властей на обострение межнациональных и языковых отношений стали два постановления ЦК Компартии Казахстана и Совета Министров Казахской ССР от 3 марта 1987 г. за № 98 «Об улучшении изучения казахского языка в республике» и за № 99 «Об улучшении изучения русского языка в республике». Но поскольку они были рождены усилиями партийной бюрократической номенклатуры, то и реализовывались, как всегда, формально: классные часы на тему интернационализма в школах, обсуждение вопросов развития двуязычия в трудовых коллективах и т.д.

Недостатки в реализации принятых ранее решений отмечались в специальных постановлениях партии и правительства Казахстана от 15 августа 1989 г. «О дополнительных мерах по выполнению постановлений ЦК Компартии Казахстана и Совета Министров Казахской ССР от 3 марта 1987 г. № 98 "Об улучшении изучения казахского языка в республике" и "Об улучшении изучения русского языка в республике"». Несмотря на типичный для партийно-бюрократического законотворчества стиль, постановления 1989 г. отражали совершенно иной, нежели в 1987 г., этап развития общественно-политической ситуации в республике. Так, они предусматривали в течение 1989–1991 гг. при проведении общественно-политических и культурно-массовых мероприятий переход к синхронному переводу с казахского языка на русский и наоборот.

В то же время, предложенное 19 сентября 1989 г. группой депутатов Верховного Совета Казахской ССР в порядке законодательной инициативы заявление, в котором предлагалось установить в качестве государственных языков казахский и русский,

не было принято во внимание¹. Большинство депутатов, в том числе выступавшие за государственное двуязычие, уступили доводам тех, кто во главе с Н. Назарбаевым считал, что нет необходимости в придании статуса государственного русскому языку, так как в 1990 г. де-юре выйдет закон, по которому русский будет объявлен государственным языком в СССР. В Казахстане статус государственного был закреплен лишь за казахским языком, а русский был утвержден «языком межнационального общения».

Принятый 22 сентября 1989 г. Закон «О языках в Казахской ССР» предлагал определение языка, весьма отличавшееся от прежней интернационалистской трактовки. Согласно тексту закона, «...язык – величайшее достояние и неотъемлемый признак нации, с развитием языка, расширением его общественных функций непременно связан расцвет национальной культуры и будущее самой нации как исторически сложившейся устойчивой общности людей». Как видим, функциональное понимание языка как средства общения полностью было вытеснено его этнонационалистическим толкованием. С этой точки зрения, каждый человек раз и навсегда «вписан» своей национальностью в определенную языковую среду и всякая иная ситуация трактуется как отклонение от нормы, которое нужно как можно скорее исправить. В то же время использование неродного языка в общении между людьми одной национальности подвергает опасности существование их как нации. Таким образом, в основание языковой политики Казахстана были заложены принципы, в соответствии с которыми высшая ценность для государства и предмет его заботы – не отдельный человек как гражданин, а нация (этническая общность) как коллективный субъект общественных отношений.

Свое воплощение эти принципы нашли в принятой в скором времени Государственной программе развития казахского языка и других национальных языков в Казахской ССР на период до 2000 г. Среди разнообразных мероприятий этой программы, реализованных в 1990–1991 гг., можно отметить создание республиканского общества «Казак тили» («Казахский язык»), основной целью которого провозглашалось содействие созданию необходимых условий для широкого использования казахского языка как государственного. В тот же период специальным постановлением Совета Министров Казахской ССР от 20 апреля 1990 г. была создана Государственная ономастическая комиссия при Совете Министров, которая должна была содействовать «...возрождению национальной топонимики как важного свидетельства истории и духовной культуры народа...», а также «...активно способствовать формированию у населения республики уважительного отношения к исконно народным и историческим названиям».

После бурных дебатов в парламенте и среди общественности республики принципы этой программы были закреплены в одном из пунктов основ государственного строя в принятой 28 января 1993 г. новой Конституции Республики Казахстан: «Государство гарантирует сохранение сферы применения языка межнационального общения и других языков, заботу об их свободном развитии. Запрещается ограничение прав и свобод граждан по признаку не владения государственным языком или языком межнационального общения». В прессе было объявлено, что «найдена формула», примирившая сторонников государственного двуязычия в республике, где русский язык является родным для более чем 60% населения, с теми, кто выражал вполне объяснимое беспокойство по поводу сужения сферы применения казахского языка и рассматривал придание статуса государственного лишь казахскому языку.

Между тем, в Конституции не оговаривалось, какова сфера применения языка межнационального общения. Более того, ст. 4 раздела «Переходные положения» гласила: «На переходный период создать условия для свободного и бесплатного изучения государственного языка... в этот период делопроизводство в Республике Казахстан ведется на казахском и русском языке». А что будет после того, как некто решит, что переходный период закончился?²

Об обоснованности такого вопроса свидетельствуют некоторые положения из работы Б.Х. Хасанова «Механизм внедрения и реализации Закона о языках в Казахской ССР и пути внедрения казахского языка в различные сферы жизни». В ней, в част-

ности, говорится: «... непреодолимой стеной на пути к внедрению государственного языка стоит ряд... тормозящих факторов, среди которых особо следует выделить большую долю русскоязычного населения, которая сложилась за счет представителей русской национальности»³; «знание двух языков должно быть признано профессиональным качеством рабочего и служащего»⁴.

Основное внимание автора указанной работы уделено организационным вопросам внедрения казахского языка в различные сферы жизни, составления списка должностей, «...для которых знание государственного языка – непременный атрибут»⁵, разработке графиков отчетности и установлению меры ответственности за их несоблюдение, определение сроков и т.д. Б.Х. Хасанов ни слова не говорит о том, что необходимо создать условия, способствующие появлению у русскоязычного населения заинтересованности в изучении казахского языка, подготовить учебно-методические средства, организовать массовую и общедоступную сеть обучения казахскому языку.

Люди, желающие овладеть казахским языком, поставлены в «полевые условия», когда они вынуждены пополнять словарный запас устным путем от тех, кто знает язык лучше. Доступные словари малого объема и разговорники, созданные в период активизации кампании по возрождению казахского языка, вследствие своей ограниченной лексики не содержат нужных для изучающих этот язык слов, а большие словари либо не созданы, либо недоступны. До сих пор нет русско-казахского словаря, рассчитанного на носителей русского языка, изучающих казахский язык. «Это нужно понять коренным носителям казахского языка, – пишет И.Г. Жоламанова, – которые часто укоризненно и свысока поучают людей, не владеющих казахским: "мол не знаете, потому, что не хотите изучать". На самом деле это далеко не так»⁶.

«К сожалению, для изучения казахского языка в Республике Казахстан одного желания мало, – сетует Х. Байсалинова. – Страстное желание заговорить на языке Абая сразу сталкивается с отсутствием учебно-справочного материала... Методика преподавания казахского языка находится в процессе становления. Обучая казахскому языку русскоязычную аудиторию, преподавателю желательно знать язык, на котором ведется преподавание... Казахский язык в Республике Казахстан обретает "оформительскую" функцию. Вывески, объявления у нас на казахском, улицы, города переименованы в соответствии с казахской орфоэпией. В характеристике подбирающегося к "кормушке" обычно значится: "изучает казахский язык" (практически не встречается "изучил казахский язык"). В глазах обывателя язык становится в один ряд с орнаментом и тубеткой»⁷.

О серьезности проблемы свидетельствуют и ответы русских жителей Чимкента на вопрос «хотели бы Вы улучшить знание казахского языка?», который был задан им в декабре 1994 г. в ходе социологического исследования в рамках проекта «Язык, национальность и бывший Советский Союз». Более 50% опрошенных ответили, что хотели бы улучшить свое знание казахского языка, но не имеют для этого подходящих условий⁸.

Согласно результатам опроса населения, проведенного чимкентской городской администрацией, опубликованным в городской газете «Панорама Шымкента», 76% респондентов не были удовлетворены постановкой изучения казахского языка в школах, 65% опрошенных заявили, что их совсем не устраивают учебники, в которых с трудом ориентируются даже взрослые люди, для которых казахский язык родной⁹.

Кропотливой работе по приобщению русского населения к казахскому языку власти предпочитают практику административного регулирования кадровой политики путем введения языковой квалификации в качестве критерия профессиональной пригодности и изменения учебных программ. Тем самым подтверждается неязыковая природа Закона о языках и то, что «...государственный язык – синоним доминирования официальных структур, его использующих», как это отмечалось уже некоторыми авторами¹⁰.

О предпочтении практики административного регулирования кадрового вопроса свидетельствует, например, выписка из решения оперативного совещания МВД Рес-

публики Казахстан от 28 августа 1992 г. «О состоянии работы органов внутренних дел по выполнению приказа МВД РК от 28.08.92 № 71 "О ходе реализации государственной программы развития казахского языка и других национальных языков в РК на период до 2000 г. и мерах по выполнению постановления Кабмина от 21.01.1992 № 51"». Оперативное совещание постановило: «При выдвижении кадров и присвоении сотрудникам квалификационных званий учитывать отношение к изучению казахского языка... Замещать вакантные должности, как правило, лицами, владеющими словарным минимумом государственного языка... Сотрудники, не сдавшие зачеты (по подготовке в области казахского языка), направляются на повторное служебное перестроение»¹¹.

Особенно заметны кадровые изменения в органах народного образования. В Министерстве образования Республики Казахстан в 1992 г. работало только 20% специалистов-неказахов, в 1987 г. их было 47%. На уровне администрации Чимкента следствия такой политики нашли свое выражение в том, что глава администрации издал указание об учете знания казахского языка при подборе руководящих кадров¹².

Согласно постановлению главы Южно-Казахстанской областной администрации № 228 от 7 ноября 1994 г. утвержден график введения делопроизводства на казахском языке в органах государственной власти и управления, общественных организациях, учреждениях и предприятиях, по которому делопроизводство на казахском языке вводится с января 1996 г., а срок введения государственного языка в отраслях сферы обслуживания – январь 1995 г.¹³

Еще раньше, в 1992 г., в системе образования Чимкента были отмечены случаи увольнения педагогов с формулировкой в приказе «за незнание закона о двуязычии»¹⁴.

Управление по языкам областной администрации имеет солидный мононациональный штат. Наиболее зримой, судя по публикациям в печати, сферой деятельности управления по языкам является работа по «возвращению географическим объектам исторических названий»: «Начальник управления по языкам Кентауской (Чимкентская область) городской администрации С. Атабекова проинформировала коллегия управления по языкам обл администрации о проделанной работе по ономастике, терминологии и языковой культуре. Населенным пунктам возвращены их древние названия, завершено переименование улиц»¹⁵. Коллегию не смутило то обстоятельство, что Кентау возник как поселок горняков и стал городом в советское время.

Эта же практика господствует в деятельности органов власти и в настоящее время. В мае 2000 г. на брифинге один из руководителей ономастической комиссии области г-н К. Дусеймби заявил: «Я за свою жизнь переименовал 200 улиц, а еще осталось 800 улиц на русском языке...»¹⁶.

По сообщению начальника управления по языкам чимкентской городской администрации, в городе появляются все новые детские сады и школы с раздельным обучением на казахском и русском языках. В городе 89 смешанных, 27 казахских, 6 русских детских садов, 14 казахских, 9 русских, 3 узбекских, 44 смешанные школы¹⁷. В русскоязычных школах по распоряжению органов народного образования все ученики-казахи, поступившие в первый класс с 1993/94 учебного года, обучаются отдельно от детей всех других национальностей в классах с казахским языком обучения. В так называемых смешанных школах дети с разным языком обучения разобщены между собой на всех этапах образовательного процесса, раздельно проводятся массовые мероприятия, например, новогодние утренники¹⁸.

Между тем русскоязычная общественность надеялась в совместном параллельном изучении обоих языков, начиная с детского сада, видеть способ распространения реального двуязычия. «Кому-то выгодно не учить казахскому языку славянских детей, но требовать при этом его знание», как считает заместитель главного редактора городской газеты «ЭлитаR» А. Гончаров¹⁹.

Согласно данным проведенного в Чимкенте осенью 1993 г. городской администрацией опроса общественного мнения горожан по поводу обеспечения выполнения Закона о языках, 43% опрошенных отмечали нарушения в ходе его реализации²⁰.

Поспешное введение обучения на казахском языке при отсутствии квалифицированного персонала и необходимых методических средств приводит к снижению качества образования в целом, а главное, отбивает интерес к изучению казахского языка. «Группа с казахским языком обучения в детском саду открыта, а детей не ведут. Люди перестали посещать занятия в кружках по изучению казахского языка, в их глазах необходимость в его изучении пропадает»²¹.

Эти проблемы известны сотрудникам областного и городского отделов народного образования. Но любые попытки отступить от графика открытия новых групп или классов в связи с неподготовленностью к этому встречают сопротивление со стороны руководителей городского общества «Казак тили» («Казахский язык»)²². Эта общественная (но содержащаяся за государственный счет) организация была создана в рамках программы развития национальных языков с целью содействия государственным органам в ее осуществлении. Однако со временем она стала подменять эти органы, принимая на себя функцию контроля за исполнением различными учреждениями народного образования «гражданского долга перед обществом». Так названы меры по развитию казахского языка в статье председателя областного правления общества «Казак тили» журналиста М. Рустемова²³.

До сих пор в системе образования главным нововведением являлось изменение школьных программ по некоторым предметам. В учебнике «История Казахстана» для 10 класса русскоязычной школы, выпущенном в 1993 г. (авторы: акад. М. Козыбаев и д.и.н. А. Козыбаев), вся история взаимоотношений России и Казахстана представлена как история борьбы казахов с русскими имперскими захватчиками.

В 1994/95 учебном году в программе русскоязычных школ произошло сокращение часов на изучение русского языка и литературы (в 5-х классах с 11 часов в неделю до 6, в 6-х – с 9 до 6, в 7-х – с 7 до 5). Высвободившиеся часы переданы на дополнительное изучение казахского языка. По мнению некоторых родителей и педагогов, урезанные знания по базовым (прежде) дисциплинам лишают детей возможности быть конкурентоспособными при поступлении в вузы, в полной мере приобщиться к достижениям науки и культуры²⁴.

Однако приобщение к достижениям науки и культуры может быть затруднено и по другим причинам. Доля русскоязычных студентов в составе республиканского студенчества продолжает сокращаться, как и в прежние годы. В 1994 г. в КазГУ им. аль-Фараби 79,4% заявлений подано от абитуриентов-казахов, 13,4% – от русских. Поступило на первый курс казахов – 79,5%, русских – 14,6%²⁵.

На первом курсе исторического факультета Чимкентского педагогического института осенью 1994 г. около половины студентов русскоязычной группы составляли казахи. В Чимкентском педагогическом институте культуры на протяжении последних лет количество казахских групп в несколько раз превышает количество русских. На филологическом факультете Чимкентского педагогического института на протяжении трех последних лет группа с русским языком обучения была одна на потоке наряду с семью группами разных языковедческих специальностей с казахским языком обучения.

В перечне специальностей, по которым проводилось обучение в чимкентском филиале Международного казахско-турецкого университета им. Ахмеда Ясави (таков новый статус Чимкентского пединститута) в 1995/96 учебном году, сохранилась лишь специальность «Русский язык и мировая литература в казахской школе» с казахским языком обучения. На отделении филологии этого же университета осуществляется подготовка по арабскому, турецкому, персидскому, английскому языкам и литературе при отсутствии в программе русского языка²⁶. При этом в области нет других учебных заведений или факультетов лингвистического профиля.

К концу 1990-х годов положение еще более изменилось. Перестали набираться группы на бюджетной основе с русским языком обучения на специальности гуманитарного профиля. Сохраняющиеся коммерческие группы с русским языком обучения служат для того, чтобы сохранять на работе совсем редких уже русских преподавателей. Впрочем, сами эти преподаватели считают, что их стремятся оставить для

использования в качестве методистов, разработчиков учебных планов и расписаний, а также авторов научных докладов, которые делаются от имени руководителей кафедр и факультетов — казахов²⁷.

Введение в последние два года системы конкурсов на получение гранта от государства на образование привело к дальнейшему сокращению представительства некоренных национальностей в составе казахстанского студенчества. Во всяком случае, об уменьшении количества студентов — выходцев из национальных диаспор говорил председатель уйгурского культурного центра на заседании Ассамблеи народов Казахстана 7 апреля 2000 г.²⁸

В составе южноказахстанского студенчества в 1998/99 учебном году из общего числа студентов 6965, казахов было 5461, русских — 695, украинцев 48, узбеков 422²⁹.

Желающие получить высшее образование на русском языке пытаются сделать это в России, но сталкиваются с целым рядом проблем. По положению, правом получения образования на русском языке наравне с гражданами России пользуются также и соотечественники при условии невозможности получить такое образование в стране СНГ. Но определение того, кто входит в эту категорию людей, оставлено в компетенции администрации российских вузов. В результате в большинстве из них предусмотрено бесплатное обучение лишь для граждан России.

В то же время в правилах приема студентов на 1995/96 учебный год уже упоминавшегося Казахско-турецкого университета и Казахского химико-технологического института — крупнейших вузов г. Чимкент — специально оговорено, что «...юноши и девушки казахской национальности, не являющиеся гражданами Республики Казахстан и не проживающие постоянно на ее территории, пользуются при поступлении теми же правами, что и граждане Республики Казахстан»³⁰.

В поисках выхода из создавшейся ситуации неправительственными фондами и организациями предпринимаются попытки организовывать на средства родителей абитуриентов работы выездных приемных комиссий российских вузов в городах Казахстана. Однако подобные расходы доступны далеко не каждому, да и список учебных заведений России, с которыми заключены подобные договоры, пока очень ограничен.

Вообще реализация языковой политики способствовала тому, что в сердцах многих тысяч русскоязычных казахстанцев поселилось беспокойство о перспективах продолжения образования своих детей в Казахстане. В немалой степени подобные чувства способствовали формированию миграционных настроений. Во всяком случае, именно так формулировали причину своего планируемого отъезда русские респонденты, опрошенные в декабре 1993 г. в Чимкенте (исследование проводилось Отделом внутренней политики Южно-Казахстанской областной администрации, 450 опрошенных).

В 1993—1995 гг. русскоязычная общественность республики во главе с активистами движения «Лад» проявляла заметную активность, пытаясь добиться утверждения за русским языком статуса второго государственного. Было собрано более 1 млн. подписей в поддержку такого решения. Однако все попытки реализовать данную инициативу оказались тщетными.

Некоторое вытеснение русского языка из сферы образования отнюдь не привело автоматически ко всеобщему распространению казахского языка. Об этом красноречиво свидетельствуют результаты массового опроса населения, проведенного в разных городах Казахстана осенью 1994 г. в рамках международного научного проекта «Язык, национальность и бывший Советский Союз» под руководством М.Н. Губогло (общее количество респондентов 2000). Ответы респондентов на вопрос «На каком (каких) языке(ах) Вы обычно разговариваете на работе с коллегами?» распределились по различным городам так, как указано в табл. 1.

Как видно из таблицы, в сфере делового общения казахский язык по-прежнему менее востребован, чем русский. Да и владеют казахским языком лучше, чем русским, в лучшем случае половина опрошенных городских казахов. Об этом можно судить по ответам респондентов на вопрос «Каким языком Вы владеете лучше всего?», представленным в табл. 2.

Язык общения на работе (результаты опроса городского населения, 1994 г.)

Город	Национальность респондентов	Язык общения (%)				
		казахский	казахский и русский	русский	другой	затрудняюсь ответить
Алма-Ата	казахи русские	5,9	54,8 1,1	37,2 97,5	0,4 0,7	1,7
Гурьев	казахи русские	34,6	57,7 29,0	5,1 79,0	2,6	
Чимкент	казахи русские	21,6	60,5 11,1	17,4 88,9	0,6	
Петропавловск	казахи русские	6,3	46,8 1,0	46,8 98,4	0,3 0,3	

Таблица 2

Язык, которым горожане владеют лучше всего (результаты опроса городского населения, 1994 г.)

Город	Национальность респондентов	Язык (%)			
		казахский	русский	казахский и русский	другой
Алма-Ата	казахи русские	25,9	41,8 99,6	32,2 0,4	
Гурьев	казахи русские	52,6	14,1 100,0	33,3	
Чимкент	казахи русские	46,1	27,5 97,6	26,3 1,6	0,8
Петропавловск	казахи русские	32,9	38,0 99,4	29,1 0,6	

Не очень изменилась ситуация и спустя пять лет, о чем можно судить по табл. 3, где представлены результаты опроса, проводившегося автором в Южно-казахстанской обл. в июле 1999 г. по гранту Института «Открытое Общество» (RSS 10/36 98) с использованием некоторых вопросов, которые применялись в ходе названного выше исследования 1994 г. Можно отметить даже некоторое снижение уровня владения казахским языком у казахов, что вызвано, как представляется, двумя факторами. Во-первых, несколько изменилась выборка и опрашивались жители сел, расположенных ближе к областному центру. А во-вторых, в ситуации уменьшения общественных дискуссий о «родном языке» снизилось психологическое давление на тех, кто отвечал на вопросы о языках. И теперь респонденты отмечают скорее реальное положение дел, чем желательное.

Неудивительно, что русский язык используется большинством населения для удовлетворения также и духовных потребностей. Об этом можно судить по табл. 4 и табл. 6, где представлены данные за 1994 г., и табл. 5 и 7, где приводятся данные за 1999 г.

Язык, которым горожане владеют лучше всего (результаты опроса городского населения, 1999 г.)

Язык	Национальность респондентов, %	
	казахи	русские
Казахский	38,10	2,31
Русский	38,10	91,54
Казахский и русский в равной степени	20,24	0,77
Другой	0,00	0,77

Таблица 4

Язык, на котором читают художественную литературу (результаты опроса, 1994 г.)

Город	Национальность респондентов	Язык, %			
		казахский	русский	казахский и русский	вообще не читают
Алма-Ата	казахи	6,3	47,3	41,8	4,6
	русские		95,0	0,7	4,3
Гурьев	казахи	24,4	26,9	38,5	10,3
	русские		96,8		3,2
Чимкент	казахи	22,8	31,7	39,5	6,0
	русские		96,8	1,6	1,6
Петропавловск	казахи	8,9	48,1	41,8	1,3
	русские		94,8	0,3	4,9

Коротко остановившись на динамике, которую можно наблюдать, сравнивая ответы респондентов в 1994 г. и 1999 г., считаем целесообразным отметить уже упомянутое некоторое снижение распространенности казахского языка, обусловленное названными выше факторами. При этом заметно незначительное увеличение доли русских, использующих казахский язык как источник культурно ориентированной информации. Нельзя не остановиться также на таком безотрадном факте, как резкое увеличение респондентов обеих национальностей, не читающих книг по истории и культуре своего народа.

Можно долго спорить о том, является ли столь широкое распространение русского языка в суверенном Казахстане положительным фактором, но несомненно одно – проводить языковые реформы необходимо, опираясь на реалии сегодняшнего дня. По-человечески вполне понятна тревога активистов республиканского общества «Казак тили» («Казахский язык»), обеспокоенных судьбой родного языка и предлагающих поэтому радикальные меры для изменения ситуации, но нельзя не заметить некоторую однобокость, которая проявляется в практике языкового строительства в современном Казахстане.

Основное внимание разработчиков стратегии языковой политики в Казахстане в условиях господства русского языка, казалось бы, должно было быть направлено на расширение базы для функционирования собственно казахского языка: увеличение количества социально необходимой литературы на казахском языке, подготовку квалифицированных переводов с одного языка на другой, разработку современных

Язык, на котором читают художественную литературу (результаты опроса, 1999 г.)

Художественную литературу читают	Национальность респондентов, %	
	казахи	русские
Только на казахском	7,14	0,00
Только на русском	39,29	92,31
На казахском и русском	44,05	2,31
Я не читаю литературу	9,52	1,54

Таблица 6

Язык, на котором в домашней библиотеке респондента имеются книги по истории и культуре его народа (результаты опроса городского населения, 1994 г.)

Город	Национальность респондентов	Язык, %				
		казахский	русский	казахский и русский	нет таких книг	затрудняюсь ответить
Алма-Ата	казахи	6,7	19,2	68,2	0,4	5,4
	русские		81,7	5,4	0,7	12,2
Гурьев	казахи	19,2	7,7	56,4	16,7	
	русские		83,9	9,7		6,3
Чимкент	казахи	17,4	12,0	62,9	1,2	6,5
	русские		80,2	2,4	1,6	15,8
Петропавловск	казахи	8,9	29,1	55,7		6,3
	русские		83,1	3,9	1,3	11,7

методических программ и учебных пособий, выпуск доступных и удобных словарей, развитие параллельного воспитания и образования на двух языках начиная с детского сада и т.д. Нельзя сказать, чтобы в этом направлении совсем ничего не делалось, но сделанного явно недостаточно, чтобы превратить казахский язык в социально востребованное средство коммуникации в казахстанском обществе. В то же время идеологи «языкового возрождения» по-прежнему предпочитают громкие декларации и директивные предписания.

Так, Бакытжан Хасанов, директор Центра стратегии языкового развития при Министерстве науки и новых технологий Республики Казахстан, академик Международной академии информирования (информатизации?) в газете «Зан» 29 июля 1995 г. в период обсуждения проекта новой Конституции республики писал: «Из Конституции должны быть удалены любые положения, препятствующие употреблению казахского языка. Такие препятствия созданы в результате того, что русскому языку неофициально дана возможность выполнять функции государственного языка... То, что президент советовался с россиянами, патриархом Алексием, что он не посчитался с мнением казахов, нам не по душе. Разве не казахский народ, составляющий половину населения Казахстана, должен решать – употреблять русский язык "официально" или "неофициально"»?

...В дальнейшем (самое позднее с 1997 г.) нужно запретить содержать институт переводчиков для ведения делопроизводства на казахском языке в органах внутренних дел, в судах, прокуратуре, адвокатуре. Иначе сотрудники органов никогда не научатся казахскому языку».

**Язык, на котором в домашней библиотеке респондента имеются книги по истории и культуре его народа
(результаты опроса городского населения, 1999 г.)**

Книги по истории и культуре своего народа	Национальность респондентов, %	
	казахи	русские
Только на казахском	8,33	0,00
Только на русском	21,43	78,46
На казахском и русском	55,95	8,46
На другом	1,19	0,77
Нет таких книг	11,90	8,46

К пятилетнему юбилею со дня принятия Закона "О языках..." Эмбекшинское районное общество "Казак тили" (Южно-Казахстанская область) выступило с обращением "К детям земли Казахстана, представителям разных культур и языков", в котором признается "...фактический провал бюрократов от культуры и политики по осуществлению государственной программы изучения и внедрения казахского языка". Отмечено, что проведение в течение этих лет "... иногда бездарной и вредной для статуса государственного языка кампании со стороны ретивых руководителей, которая привела к нынешнему состоянию кризиса в одной из важнейших сфер государственной жизни, внесло хаос и противостояние в судьбы многих людей"³¹.

К сожалению, противостояние продолжается и по сей день. Со всей отчетливостью это проявилось в ходе опросов общественного мнения, которые, как правило, выявляют резко различающиеся позиции по проблемам языкового развития в зависимости от этнической принадлежности респондентов.

Согласно результатам уже упоминавшегося опроса 1994 г. в рамках международного научного проекта «Язык, национальность и бывший Советский Союз», реализовывавшегося в Казахстане под руководством М.Н. Губогло, русские респонденты, как правило, ничего не имея против изучения казахского языка, резко выступали против форсированного замещения им русского языка, отрицательно относились к идее раздельного обучения и т.д. Сходные результаты получены и в ходе опросов общественного мнения, проводившихся в 1995–1996 гг. международным фондом «Аркор» среди респондентов двух национальностей в четырех городах Казахстана (Алма-Ата, Чимкент, Уральск, Петропавловск)³².

По данным тех же опросов, большинство населения всех национальностей предпочитает смотреть телепередачи на русском языке, читать русскоязычные издания. Вот почему резкое сокращение в 1993–1996 гг. времени вещания на территории Казахстана российских телепрограмм было встречено русскоязычным населением республики как попытка лишить их возможности удовлетворять свои духовные запросы. Большинство негосударственных средств массовой информации работают на русском языке, тогда как в официальных изданиях и на правительственных телеканалах господствует казахский язык.

6 ноября 1996 г. в газетах Казахстана была опубликована «Концепция языковой политики Республики Казахстан», целью которой провозглашено «...сохранение межнационального мира и согласия в полиэтническом государстве». По мнению авторов концепции, проведение языковой политики способствует сохранению основы национальной культуры – языка, что является условием гармоничного и устойчивого развития отдельных этносов.

При этом, говорится далее в концепции, государственный язык выполняет наиболее важные функции в государственной и общественной жизни. Однако несмотря на принимаемые меры, государственный статус казахского языка пока не удается реализо-

вать в полной мере. Поэтому в концепции языковой политики выделены основные принципы, которые определяют место государственного языка в общественно-политической практике. Прежде всего на государственном языке принимаются все законодательные акты данного государства. Ответы на обращения граждан также даются на этом языке.

Государственный язык используется в работе всех государственных органов, организаций, в Вооруженных Силах. Он является основным языком судопроизводства в стране. Кроме того, на государственном языке обязательно излагаются все сделки физических и юридических лиц, совершаемые в письменной форме.

В государственных средствах массовой информации применение государственного языка является обязательным. В целях создания соответствующей языковой среды объем передач по государственным каналам на других языках не должен превышать объема передач на государственном.

Прием на государственную службу осуществляется при обязательном знании в необходимом объеме государственного языка. Государственные органы всех уровней и их руководители несут основную ответственность за реализацию государственного статуса казахского языка. Овладение государственным языком – составная часть казахстанского патриотизма.

Государственная политика в отношении создания условий для развития языков должна быть ориентирована на корректировку реально существующей иерархии языков в направлении приоритетного развития государственного языка. Задачи государства по отношению к государственному и другим языкам должны быть различными. Государство обязуется создать все условия для реализации статуса государственного языка.

В тексте концепции предлагалось установить для государственных служащих, а также работников сферы науки, культуры, образования, здравоохранения и обслуживания населения определенные требования в отношении владения государственным языком. Реальное обеспечение условий для развития языков народов Казахстана означает создание возможностей для овладения родным языком всеми желающими. Это может быть эффективным при активном участии национально-культурных центров, способных выразить культурно-языковые интересы этносов.

Весьма сложно и болезненно проходило в мажилисе (парламенте) 20–21 ноября 1996 г. обсуждение законопроекта «О языках в Республике Казахстан». Прения по некоторым статьям чуть было не перешли во внутрипарламентский межнациональный конфликт. Группа мажилисменов посчитала, что в законопроекте недостаточно подчеркнута приоритетность государственного языка и чересчур завышен статус русского. По их инициативе почти во всех статьях, где наравне с государственным языком предполагалось использование русского языка и последний был поставлен рядом с государственным, сделаны ремарки, обуславливающие применение русского языка лишь «при необходимости». Большинство аргументов выступавших за подобные изменения можно в принципе свести к следующим: «Живя на нашей земле и пользуясь ее благами, играйте по нами установленным правилам!».

Комитет мажилиса по социально-культурному развитию настаивал на обязательности приоритетного функционирования государственного языка во всех без исключения средствах массовой информации, оппоненты же пытались доказать неправоту такой статьи. В конце концов предложенный комитетом вариант статьи «Язык печати и средств массовой информации» был все же несколько смягчен. Большинство голосов была принята формулировка, гласящая, что в целях развития и полноценного функционирования государственного языка объем передач на нем в телерадиокомпаниях всех форм собственности не может быть меньше, чем на других языках вместе взятых. Частные печатные издания из этой статьи пока исключены.

Не смогли добиться депутаты компромисса по вопросу о перечне должностей, занятие которых сопряжено с обязательным владением государственным языком. По мнению одних, введение этого перечня не только ущемляет права человека,

но и может привести к более тяжелым последствиям. По мнению других, оно стимулирует становление государственного языка и побуждает к его изучению. Предлагалось также определить конкретные сроки овладения казахским языком определенными категориями госслужащих. Для казахов этот срок может быть ограничен пятью годами, для всех остальных – десятью. Однако обсуждение этого предложения на тот момент ни к чему не привело и оно было перенесено.

На фоне этих дискуссий с новой силой вспыхнули дебаты о статусе различных языков среди общественности республики. Так, по мнению депутата мажилиса М. Головкова, с появлением нового закона русскоязычное население республики неизбежно столкнется с большими трудностями. В этом же духе высказываются авторы писем в редакции республиканских газет. Многие из них считают, что новый закон может быть использован для ущемления прав русскоязычного населения. Естественно, существует и противоположное мнение. По мнению многих представителей казахской культурной и научной общественности, нет необходимости придавать русскому языку какой-либо особый статус, так как он «в известной среде и так не останется без применения»³³.

В одной из газет новый закон назван «узаконивающим национальный позор казахов, ибо если признать необходимость пятилетнего срока для освоения ими своего же языка, то назвать такой народ нацией невозможно». Газета выступала за принятие закона «жесткого и недвусмысленного, согласно которому освободившуюся высокую должность должен занять человек, владеющий гос. языком, даже в ущерб так называемым "деловым качествам", которыми никто в нашем государстве все равно не блещет»³⁴.

Нетрудно представить себе влияние подобных публикаций на умонастроения русскоязычных казахстанцев. Одним словом, власть сделала очередную попытку разделить общество по национальному признаку, и она ей, судя по всему, удалась. Появилось огромное число публикаций, авторы которых стали искать причины бедственного экономического положения республики в демографических особенностях ее населения. Очевидно, для нынешней власти важно обратить гнев ее граждан друг против друга и таким образом отвлечь их от попыток выяснить источники нищеты подавляющей части населения государства и быстрого обогащения небольшой группы высших руководителей.

15 июля 1997 г. новый Закон «О Языках в Республике Казахстан» был, наконец, опубликован. О его содержании можно судить из текста нескольких наиболее принципиальных статей. Например, в ст. 1 «Основные понятия» специально определяется диаспора как «часть народа (этническая общность), проживающая вне страны его исторического проживания». Ст. 4 нового закона гласит: «Долгом каждого гражданина Республики Казахстан является овладение государственным языком, являющимся важнейшим фактором консолидации народа Казахстана».

Особое внимание общественности как в ходе долгого обсуждения нового закона, так и после его опубликования привлекали и привлекают следующие статьи: «Ст. 18. В целях создания необходимой языковой среды и полноценного функционирования государственного языка объем передач по телерадиовещательным каналам независимо от формы собственности, на государственном языке по времени не должен быть менее суммарного объема передач на других языках...

ст. 23. Перечень профессий специальностей и должностей, для которых необходимо знание государственного языка в определенном объеме и в соответствии с квалификационными требованиями, устанавливается законами Республики Казахстан.

ст. 24. Отказ должностного лица в принятии обращений граждан, мотивированный незнанием государственного языка, а также любое препятствование употреблению государственного языка и любых других языков в сфере их функционирования влекут за собой ответственность, предусмотренную законодательством Республики Казахстан»³⁵.

За несколько дней до опубликования закона и как бы предваряя его, вышла статья Сары Мустафиной в «Казахстанской Правде» от 11 июля 1997 г. под названием

«Государственный язык теряет позиции», из которой следует, что задачи государственных органов по реализации основных положений концепции языковой политики и закона о языках обсуждены на семинаре-совещании, проведенном 10 июля в Алматинском доме ученых. В нем приняли участие представители администрации президента, парламента, канцелярии правительства, ряда министерств и ведомств, общественных организаций, руководители учреждений образования, ученые и специалисты-языковеды из всех областей республики.

Нынешней языковой ситуации в республике посвятил свой доклад директор департамента координации языковой политики Министерства образования и культуры Султан Оразалинов. Особую тревогу, по его мнению, вызывает положение казахского языка. Хотя статус его закреплен в Конституции республики как государственный, он еще не занял подобающих ему позиций в образовании, науке, делопроизводстве.

«Открывшиеся несколько лет назад повсеместно курсы по изучению госязыка, – сказал С. Оразалинов, – просуществовав некоторое время, исчезли, не оставив за собой и следа. Если три-пять лет назад приток в казахские школы был очень мощным, то теперь наблюдается обратная картина. Только в Алматы около тысячи учеников были переведены за последние два-три года из казахских школ в русскоязычные. Падает значимость казахского языка как предмета и во многих русских школах, а есть и такие, где он вовсе не преподается. Выходящие и без того малым тиражом газеты и журналы остаются невостребованными. Сократились и закрылись в ряде вузов кафедры казахского языка»³⁶.

Новый закон как бы призван переломить эти тревожные для казахского языка тенденции и создать условия для его ускоренного развития. Но в какой мере соответствуют поставленным задачам заложенные в законе механизмы и способы их реализации?

Мнения на этот счет разделились. Например, Джаныбек Сулеев в статье «"Закон о языках" – зеленый свет разгулу "Чуркизма"» пишет, что «зафиксированы тысячи примеров неправильного употребления казахского языка. По сути, дело идет к созданию своеобразного языка, где словарь составляют казахские слова, а грамматические и синтаксические категории заимствованы из русского языка. Негосударственные телекомпании вещают в Алматы в неделю 900 часов на русском и всего 4 часа на казахском. А может это и к лучшему. Такое масштабное нашествие... размоет без остатка сохраняющееся еще нормальное, здоровыслящее казахское сознание. Статья 18 закона о языках открывает зеленый свет закону Чуркизма»³⁷.

В то же время акад. Зейнола Кабдолев утверждает: «"Казахский язык – Государственный язык", и все! Разве этим не сказано все о правах казахского языка!? А мы начинаем менжеваться, елозить (так в тексте. – И.С.)... Это не повредит развитию других языков, не ограничит сферу применения русского языка». Все зло исходит, по его мнению, от этой нашей нерешительности и двуличия³⁸. Абиш Кекилбаев, государственный секретарь Республики Казахстан в статье «Невозможно представить закон, который обязывает беречь собственную мать» пытается смягчить крайних языковых радикалов: «Вы говорите, что будущее казахского языка вызывает опасение, и в связи с этим возлагаете особые надежды на новый закон о языках. Это оттого, что в нас сказывается привычка смотреть на законы как на всемогущий универсальный инструмент государственной власти. Мы смотрим на проблему сохранения своего языка не как на личный долг каждого гражданина, а как на обязанность государства. ...Если каждый из нас будет относиться к родному языку как к своей матери (можно ли представить закон, обязывающий любить и беречь собственную мать), то успешно сработает и новый закон о языках.

Если казахский язык будет изучаться с детства в семье, можно будет не тревожиться о судьбе языка. Если же этого не будет, то его не спасут никакие финансовые вливания, никакие законы, никакие призывы и увещания»³⁹.

Если суммировать все сказанное в те дни по поводу ст. 18 нового закона о языках, то можно увидеть, что и лояльные люди называют эту статью слишком радикальной.

Раздаются даже голоса о том, что подписавшего не до конца продуманный закон президента подставило его окружение. Об этом свидетельствуют и письма читателей: «...Что мешало авторам закона "О языках..." расширить объем казахскоязычного вещания на свободных пустующих каналах? ...Нет же, обязательно понадобилось всех прочих потеснить, подвинуть, обязать» (Канат Исмаилов, Алматы)⁴⁰.

«Мы все создаем своим трудом богатство страны. По Конституции мы все равны. А по новому Закону выходит, что одну часть населения нужно будет поддерживать за счет ущемления другой части» (Мария Степановна Н., Алматинская обл.)⁴¹. Есть и замечания другого порядка: «В Законе есть, на мой взгляд, целый ряд нечетких формулировок. Например, статья 21 требует, чтобы визуальная информация излагалась на государственном и русском, а при необходимости и на других языках». Недоразумения могут возникать на каждом шагу. Скажем, объявление о продаже коровы, вывешенное в казахском ауле и написанное, естественно, только по-казахски, станет уже нарушением закона. Как и информация у российского посольства для оформляющих отъезд и написанная только по-русски» (С. Тихонов, Талдыкорган)⁴².

Однако есть примеры, когда властные органы на местах в служебном рвении стараются быть «святейшим папой». Например, в циркулярном письме в СМИ, направленном заведующим отделом внутренней политики Костанайской областной администрации В. Вишниченко говорится: «...публикация официальных материалов в печатных изданиях должна осуществляться на государственном и официальном (русском) языках»⁴³. Примечательно, что через неделю на страницах газеты «Жас алаш» подобная ретивость осуждалась казахским публицистом, казалось бы, заинтересованным в подобном развитии событий⁴⁴.

Одним словом, восприятие нового Закона «О языках...» далеко не однозначно в разных слоях населения. Об этом можно судить не только по материалам газет. Весьма разнообразный спектр мнений выявился также в ходе встреч автора с представителями различных организаций Южно-Казахстанской обл., по роду деятельности так или иначе связанных с реализацией нового закона.

С одной стороны, никто из дискутировавших по поводу реализации положений нового закона не сомневался в необходимости расширения сферы применения казахского языка. Это было искреннее мнение как представителей официальных органов, так и независимых журналистов и рядовых горожан. С другой стороны, по мнению одних (представителей официальных властей), достижение этой цели невозможно без активной роли государственных органов, тогда как другие (журналисты) совершенно не связывали одно с другим. Например, по мнению начальника областного управления по языкам писателя М. Байгутова главной функцией руководимого им органа являются координация и контроль за исполнением Закона «О языках...». О каких-либо мерах по более активному внедрению казахского языка в повседневную практику он даже и речи не ведет. Да и что может сделать управление в области с населением более 2 млн. чел. с сокращенным недавно вдвое мононациональным штатом в 7 чел. Не приходится надеяться, что такими силами и без должного финансирования будут развернуты какие-либо образовательные и издательские программы.

Г-ну Байгутову в таких условиях остается лишь сокрушаться по поводу упразднения управлений по языкам во многих областях из-за нехватки средств и вести на местах борьбу с нерадивыми руководителями, которые не выделяют средства на пишущие машинки с казахским шрифтом и содержание штатного переводчика. По его мнению, именно руководители предприятий и организаций, 90% которых – казахи, а не какие-то шовинисты русские, являются главными виновниками фактического саботирования расширения применения казахского языка в республике. В подтверждение сложной ситуации наш собеседник приводил многочисленные «черные списки» организаций, не выполняющих требования по расширению практики овладения казахским языком, сорванные графики внедрения его в делопроизводство и т.д. Но тогда у нас возникает резонный вопрос, почему государство, провозгласив приоритет развития казахского языка, фактически самоустранилось «из-за трудного финансового положе-

ния» от реализации этой программы, считая себя при этом вправе спрашивать с кого-то за ее недостаточное исполнение.

В ответ на мой вопрос, какие меры реально принимаются для расширения сферы применения государственного языка, г-н Байгутов смог привести только факт открытия при городской администрации трехнедельных курсов казахского языка для первоначального уровня в «300 слов». Трудно сказать, насколько такие курсы смогут изменить ситуацию при столь поверхностном уровне преподавания и отсутствии перспективы продолжения обучения, но основание говорить о проделанной работе появляется.

Впечатление о двойственной позиции государства в деле реализации языковой политики еще более усилилось во время моей беседы с представителями чимкентских СМИ, которым на практике придется проводить эту политику. В беседе принимали участие работники независимой телекомпании «Караван», незадолго до этого в числе четырех счастливицок прошедшей тендер на использование собственной частоты для вещания, а также их журналисты из одной официальной и двух (русской и казахской) независимых газет. В ходе обсуждения насущных проблем: чем заполнять эфирное время при дефиците казахских передач и фильмов, какой казахский язык использовать – единый литературный или локальные «народные» варианты, где найти профессиональных дикторов и редакторов на казахском языке, почему остается невостребованной предлагаемая реклама на казахском языке и т.д. невольно возникал все тот же вопрос: насколько требования нового закона «О языках...» соотносятся с реалиями повседневной жизни и в какой степени он будет способствовать исполнению провозглашаемых им самим положений? Ведь если иметь в виде идеальной модели реальное полноценное образование на двух языках начиная с детского сада, то в чем новая редакция более эффективна в ее реализации, чем старая? На наш взгляд, сохраняется прежняя тенденция: укрепить статус государственного языка как языка власти и политического господства, а не сделать его функционально необходимым и востребованным для большинства населения.

Плоды подобной политики, видимо, сказываются в том, что довольно слабо расширяется сфера применения казахского языка для служебного пользования, особенно среди специалистов высокого уровня. В газете «Казак адабиети» 26 июня 1998 г. были приведены итоги опроса (без всякой дополнительной информации о том, где, кем и когда он проводился), согласно которым «во всех министерствах и ведомствах и подобного рода организациях лишь 15% руководящих лиц читают казахские издания, в аппаратах министерства только 10% иногда читают казахские издания, 15% акимов областей и их заместителей изредка просматривают казахские издания, 30% районных акимов внимательно читают казахские издания, 7% руководителей вузов внимательно изучают казахские издания, 12% научных работников гуманитарного направления являются постоянными подписчиками казахских газет и журналов, 0,5% руководителей предприятий изредка просматривают казахские издания. Никто из опрошенных предпринимателей не читает казахские издания, они предпочитают «Караван», «Босс», «Деловую газету», 2 учителя из 50 просматривают казахские издания, остальные ссылаются на отсутствие средств».

Даже если подвергнуть сомнению репрезентативность выборки этого опроса, то все равно очевидно, что данная проблема существует.

Руководство же международного общества «Казак тили» по-прежнему видит решение лишь на пути предоставления особых преимуществ казахскому языку, вернее государственным институтам, выступающим за его «возрождение», за счет других языков. Так, Абдуали Кайдар, академик, президент этого общества пишет: «По моему мнению, ставить целью, а тем более брать обязательства обеспечить до двухтысячного года (в оставшиеся полтора года) развитие и расцвет всех языков – это бессознательный пустопорожний разговор. Это означает, что представители различных языков будут тянуть каждый на себя одеяло, именуемое демократией, а желание поднять статус государственного языка так и останется не выполненным. Поэтому я предлагаю: в течение этих полутора лет необходимо полностью пересмотреть отно-

шение к казахскому языку, а государственная программа в качестве первоочередной задачи должна предусматривать изыскания всех возможностей для развития этого языка»⁴⁵.

В последний год действительно произошли некоторые изменения в этом направлении. Исчезли группы с русским языком обучения на гуманитарных факультетах вузов, резко возросло количество рекламы и передач на казахском языке на всех радио- и ТВ-каналах. Частично это произошло за счет сокращения передач русскоязычных СМИ (исчезли передачи «Маяка», сократилось время вещания ОРТ и т. д.).

Люди, озабоченные состоянием казахского языка, могут отметить существенное укрепление статуса казахского языка, но радикального изменения ситуации так и не произошло. Казахский язык пока не стал массово востребованным в обществе, особенно среди неказахского населения. Сейчас он, как и раньше, обслуживает в основном казахоязычную аудиторию, для которой русское слово менее привычно. Хотя за последние два года появились отдельные образцы злостной казахской независимой прессы (газеты «ДАТ» в Алматы, «Айгак» в Чимкенте), но по большей части она пребывает на периферии современной общественной жизни. Отмеченные же издания замечательны самим фактом обращения к проблемам современности и попыткой обнародования критических материалов в адрес властей. Собственно авторские материалы в них, за редким исключением, невыгодно отличаются от русскоязычных изданий слабой аналитикой, которая компенсируется задиристостью. Нечего и говорить, что эти издания пока не являются носителями уникальной информации, интересной для широкой русскоязычной аудитории и не привлекательны для последней. Там нет ничего, что русскоязычный читатель не мог бы прочитать на русском языке, и это обстоятельство, конечно, не способствует распространению казахского языка.

Самый беглый просмотр десятков казахских книг, брошюр и журналов, предлагаемых на каждом книжном лотке, показывает, что на 90% они посвящены делам дней минувших, открывают белые пятна казахской истории, говорят о заслугах земляков или учат мудрости прошлых веков. Импровизированный блиц-опрос 40 городских казахов в Чимкенте летом 1998 г. свидетельствовал о том, что мало кто из них читал появившуюся в последние годы в большом количестве литературу на казахском языке, посвященную популярному толкованию Корана или жизнеописаниям великих людей земли казахской. При этом никто из них не сомневается в необходимости существования подобной литературы и ее важности в деле формирования национальной гордости, патриотизма и т. д. Характер подобных ответов приводит к мысли, что существует целый пласт общераспространенных представлений о национальной культуре, своего рода «обязательный набор» немногих тем и образов. Но в повседневной мотивации индивидуальных вкусов и предпочтений конкретных людей этот «набор» играет небольшую роль.

Даже материалы на современные темы, публикующиеся в казахских газетах, отличаются методами подачи, акцентами и используемыми метафорическими приемами. Они выглядят архаичными в глазах русскоязычного читателя. В свою очередь русскоязычная пресса шокирует казахоязычную аудиторию своими бесцеремонностью и откровенностью. Например, весной 1999 г. большая группа казахских интеллектуалов (около 70 чел.) опубликовала открытое письмо к президенту и парламенту Казахстана, в котором осудила появившиеся в русскоязычной прессе материалы, прямо обвиняющие некоторых чиновников в коррупции, за то, что они оскорбляют священное для всех казахов почтение к власти. Их очень задевает то, что в русскоязычной прессе вор может быть назван вором. По мнению авторов письма, это оскорбляет «традиционное, идущее из глубины веков отношение к сильным мира сего, то есть к руководителям. Мы требуем от СМИ считаться с установившимися вековыми нормами отношения казахского народа к своему руководству»⁴⁶. Самый же большой грех русскоязычной прессы, по мнению казахских публицистов, – это то, что она мало внимания уделяет темам, актуальным для казахского читателя, но мало интересным городской русскоязычной аудитории.

Как следствие, продолжают сохраняться уже упоминавшиеся отчуждение и даже взаимная неприязнь, условно говоря, «казахов» и «русских» в языковой сфере. Русские обижены постепенным сокращением привычной для них русскоязычной среды и распырением сферы казахского языка, который так и не становится для них не то, чтобы «родным», но даже понятным и необходимым. Казахи обеспокоены недостаточной степенью распространения казахского языка и невниманием к этим проблемам некоренного населения.

Несмотря на то, что провозглашаются концепция многокультурного общества и складывание единого многонационального казахстанского народа, ничего не делается для проникновения казахского языка в русскоязычную среду. Наоборот, казахский язык объявляется заповедной территорией, где властвуют «свои» интеллектуалы. Это видно по негативной реакции казахской общественности на появление в последнее время русских дикторов, ведущих передачи на казахском языке. Казахские публицисты вместо того, чтобы поддерживать начинания подобного рода, принялись упрекать редакции за привлечение к вещанию на казахском языке русских дикторов, поскольку имеется предостаточно казахов, которые могли бы справиться с этой работой. Создается впечатление, что по крайней мере часть казахской интеллигенции озабочена не состоянием родного языка, а сохранением собственного статуса истинных его носителей и хранителей. Впрочем, такая позиция проистекает не из особенностей личной психологии, а является закономерным итогом развития языковой и культурно-образовательной политики государства в Казахстане в советский и постсоветский период.

Сколь специфична и неоднозначна была эта политика в разные периоды, столь же специфичными являются ее результаты в виде противоречивых явлений в языковой и культурной среде современного Казахстана.

В итоге мы имеем ту разделенность казахстанского общества по культурно-языковым параметрам, которая является закономерным результатом предшествующего развития.

Для казахов характерно обостренное внимание к проблемам языка и этнокультурного наследия, а также восприятие государства, как единственного средства решения этих проблем. Это неудивительно, так как поколения людей выросли в условиях, в которых язык и культура составляли сердцевину государственной идентичности и благодаря особенностям информационной среды проникали на уровень личной социализации. Причем это характерно лишь для манифестных, декларативных форм идентичности. На уровне практических мотиваций национальный язык и культура занимают более скромное место и не определяют поведение людей.

Для так называемого русскоязычного населения язык и культура – это частные темы в более широком спектре множества повседневных жизненных нужд. Рождаемые на их основе формы коллективной идентификации становятся особо актуальными и даже обретают черты тревожности лишь в контексте сокращения сферы применения русского языка и сужения социальных возможностей людей, его использующих.

Как видим, и в том, и в другом случае людей разделяет не собственно языковая специфика, а практика придания культурным или языковым особенностям характера социальных или даже политических отличий.

Как следствие поле взаимопонимания не очень широко: после всеми приветствуемых деклараций о важности сохранения языка и культуры прохладное отношение русских к использованию казахского языка раздражает радикальных борцов за его сохранение и заставляет подозревать «некоренных» в нелояльности к государственной политике. Русские, в свою очередь, никак не могут понять, почему казахский язык, не успев стать для них нужным, должен сразу стать индикатором их политической благонадежности и мерилom отношения к казахскому народу.

Все более понятной становится политическая, а не языковая природа так называемого «языкового вопроса». Все более откровенными становятся аргументы в дискуссиях. Так, Б. Хасанов прямо пишет, что государственный язык – это либо средство политического господства, либо способ восстановления ущемленного прежде языка⁴⁷.

Ему вторит доктор философских наук, проф. М. Аженов: «Задача власти обеспечить всем нациям, этносам равные возможности для их развития, для их духовного, социального возрождения. Но это не означает, что государство не может создать некоторые льготные условия тем или иным этносам, в том числе коренному, для их подтягивания до уровня развитых этносов, касается ли это языковой политики, культурно-профессионального развития или других сторон жизни»⁴⁸.

На этом фоне совершенно непонятно, каким образом казахский язык будет играть роль фактора всеказахстанской общегражданской консолидации.

Пока языковая сфера – это область, где в наиболее явной форме сталкиваются плоды советской языковой политики: досада на медленное распространение государственного языка так называемой титульной нации, которая видит в этом угрозу своей этнической идентичности, и недоумение не менее условного «русскоязычного населения» по поводу изменения языковой среды, за которым оно чувствует расширение не сферы применения казахского языка, но пространства политического доминирования его носителей и хранителей.

Примечания

¹ Из личного архива А.В. Докучаевой, бывшей в 1989 г. депутатом Верховного Совета КазССР, ныне – руководитель РОСД «Лад».

² Докучаева А.В. О языке. От эмоций к здравому смыслу // Мысль (Алма-Ата). 1993. № 9.

³ Хасанов Б.Х. Механизмы введения и реализации Закона о языках в Казахской ССР и пути внедрения языка в различные сферы жизни. Алма-Ата, 1993. С. 5.

⁴ Там же. С. 21.

⁵ Там же. С. 12.

⁶ Жоламанова И.Г. Казахский язык: проблемы не носителей // Наука Казахстана. 1–15 апр. 1994. № 7(19).

⁷ Байсалинова Х. Я казахский бы выучил... // Наука Казахстана. 1–15 апр. 1994. № 7(19).

⁸ Международный научный проект «Язык, национальность и бывший Советский Союз» осуществлялся в нескольких постсоветских государствах под руководством Д. Лейтина, Дж. Хафа и М.Н. Губогло. На территории Казахстана проект реализовывался в октябре 1994 г. под руководством М.Н. Губогло и Н. Масанова. Было опрошено 2000 респондентов в городах пяти регионов Казахстана.

⁹ Панорама Шымкента. 30 июня 1995.

¹⁰ Губогло М.Н. Переломные годы. Т. 1. Мобилизованный лингвизм. М., 1993. С. 40; см. также: Савоскул С.С. Русские в новом зарубежье // Общественные науки и современность. М., 1994. № 5; *его же*. Русские в государствах Центральной Азии // Отечественная история. 1996. № 3.

¹¹ Копия документа была предоставлена автору А.В. Докучаевой, лидером движения «Лад».

¹² Копия документа находится в архиве автора.

¹³ Копия документа находится в архиве автора.

¹⁴ ЭлитаR. 11 марта 1994. № 9(41).

¹⁵ Панорама Шымкента. 21 июля 1992. № 33.

¹⁶ По информации областного ТВ «Отырар» 13 мая 2000.

¹⁷ Панорама Шымкента. Март 1995.

¹⁸ Личные наблюдения автора.

¹⁹ ЭлитаR. 11 марта 1994. № 9(41).

²⁰ Панорама Шымкента. 29 окт. 1993. № 44.

²¹ Ташенов С. Проблема языка – проблема народа // Панорама Шымкента. 23 сент. 1994.

²² Из интервью автора с заместителем заведующего ОблОНО.

²³ Южный Казахстан. 30 июля 1992.

²⁴ Лад. Сентябрь 1994.

²⁵ Казахстанская правда. № 91. 1994.

²⁶ Южный Казахстан. 21 июня 1995.

²⁷ Из бесед автора с преподавателями.

²⁸ Из наблюдений автора.

²⁹ Из справки, полученной в Южноказахстанском областном управлении Государственного комитета по статистике.

³⁰ Южный Казахстан. 10 июня, 24 июня 1995.

³¹ Панорама Шымкента. 30 июня 1995. № 26(257).

- ³² Из материалов, находящихся в распоряжении автора, являвшегося участником исследования.
- ³³ По материалам газеты «Панорама». Ноябрь 1996. № 45.
- ³⁴ Караван. 8 ноября 1996.
- ³⁵ Казахская правда. 1996. № 6(19).
- ³⁶ Сулеев Д. «Закон о языке» – зеленый свет разгуду «Чуркизма» // Казахстанская правда. 11 июля 1997.
- ³⁷ Казахстанская правда. 15 июля 1997.
- ³⁸ Караван. 1 августа 1997.
- ³⁹ Кекилбаев А. Невозможно представить закон, который обязывает беречь родную мать // Казак Едебиети. 15 июля 1997.
- ⁴⁰ Караван. 1 августа 1997.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Копия документа находится в архиве автора.
- ⁴⁴ Караван. 25 июля 1997.
- ⁴⁵ Егемен Казахстан. 16 апреля 1998.
- ⁴⁶ Арка ажары. 2 марта 1999. № 25.
- ⁴⁷ Деловой мир Казахстана. 1999. № 1.
- ⁴⁸ Мысль. 1999. № 1. С.4.

I.S. S a v i n. Realization and results of the culture-linguistic and educational policy in Kazakhstan in 1990's

This article offers an analysis of the situation in the field of inter-national and linguistic relations in the Republic of Kazakhstan of the 1990's. The author points out that developed in the Republic was the «Conception of linguistics policy of the Republic of Kazakhstan» whose aim was declared to be «preservation of inter-national peace and agreement in the multiethnic state». In the opinion of the authors of the said document the conduct of linguistic policy should assist preservation of the basis of national culture, i.e. of the language, which is a condition of harmonious and stable development of separate ethnoses.

In spite of the adopted Conception the state status of the Kazakh language has failed to be realized in full as yet. After the adoption in 1997 of the law «On the languages in the Republic of Kazakhstan» acute debates on the status of the Kazakh and Russian languages began. The Kazakhs are anxious about the insufficiently broad spreading of the Kazakh language among the non-aboriginal population while the Russians' worry in caused by the gradual reduction of the usual for them Russian-language sphere and by the expansion of the sphere of the Kazakh language which remains unintelligible to them. The article points out, in particular, that no training aids have been prepared in the Republic which would have helped the Russian-language population master the Kazakh language. The authorities are not doing much for the penetration of this language into the Russian-language medium. They prefer the practice of administrative control over the manpower policy through introducing language qualifications as a criterion of professional appropriateness.

As the author of this article writes, «for the time being the sphere of language is the one where the fruits of the Soviet language policy collide in a most obvious form: on the one hand, there is disappointment with the slow dissemination of the state language on the part of the so called titular nation, which perceive it as a threat to their ethnic identity, on the one hand, and perplexity on the part of the not less conventional "Russian-language population" concerning changes in the language medium which they see expansion not of the sphere of application of the Kazakh language but of the space of the political dominance of its carriers and keepers».